

Бор.
ЛЕОНОВ

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА ТАЛАНТА

К 50-летию со дня рождения
Анатолия ИВАНОВА

А. С. ИВАНОВ.

СЕЙЧАС уже невозможно представить современную русскую прозу без таких крупных романов, как «Повитель», «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов». Запечатленная в них правда жизни народной не только обеспечила им литературное долголетие, но предопределила непреходящий читательский интерес к творчеству писателя Анатолия Иванова, к его биографии.

А она, пожалуй, ничем особым и не выделялась среди других биографий сверстников, вступивших в отрочество свое, когда началась Великая Отечественная война. Учасье в школе, работал в колхозе, помогал матери, оставшейся одной с тремя детьми на руках. После окончания десятилетки он уезжает из родной Шемонаихи, что в Восточно-Казахстанской области, в Алма-Ату и поступает там в университет на факультет журналистики. Потом служит в рядах Советской Армии, работает в армейской газете. После демобилизации несколько лет редактирует районную газету в Новосибирской области. В это время и начал писать рассказы.

Писательская биография, уже неповторимая, своеобразная, началась в 1954 году, когда в журнале «Крестьянка» был опубликован его первый рассказ

ведущему его к пониманию себя личностью, гражданином. Только те и знают цену обретенного счастья, своего места в общем строю земляков и соотечественников, кто жадно, страстно, самозабвенно стремится жить в полную силу. Такие они, его любимые герои, с их нелегкими, но прекрасными судьбами. Вот в чем, кстати сказать, вышний смысл слов Поликарпа Кружилина, с которыми он обращается к Федору Савельеву на встрече братьев в родной Шантаре в грозном 1941 году:

«Человек, к счастью, наделен разумом... Потому он и называется человеком. И рано или поздно он начинает задумываться над сутью и смыслом бытия, жизни окружающих его людей, общества и над своими собственными делами и поступками — это его заставляет делать властный и извечный зов к жизни, извечное стремление найти свое человеческое место».

Как и всякий настоящий художник, Анатолий Иванов даже в самом маленьком рассказе, таком, как, скажем, «Гость», не забывает за буднями, за повседневными делами героя усмотреть главное, а удалась ли человеку в целом его жизнь? А ведь это и есть не что иное, как соизмерение судьбы человека с судьбой народной. Такова высшая мера постижения сути героя в каждом произведении писателя. И потому за частностями, за бы-

ство, в жизненное борение страстей человеческих. Стало быть, дело тут не просто в материале, а в степени художественного воспроизведения реальной действительности, мерой чего всегда была и остается жизненная правда. Историю можно изучать, передать и в то же время оставить читателя равнодушным. Художественная правда всегда выстрадана, а потому одухотворена. А выстраданность предполагает осознание художником своей кровной причастности к судьбе народной. В этом, видимо, и находит свое проявление жизненный опыт писателя, который представляет собой отнюдь не механическое сложение календарных лет, а обогащение души испытанным, узанным и постигнутым вместе с людьми.

От родных, близких, односельчан еще в детстве Анатолий Иванов слышал немало расска-

дившем в клубе, который убирала мать. Перед началом работы секретарь предложил почтить память двух умерших старых большевиков, похороненных в сельском сквере павших бойцов гражданской войны. После минуты молчания секретарь негромко сказал: «Уходят из жизни старые коммунисты. А живым продолжать их дело — великое дело революции. Давайте начнем наш пленум...»

И тогда в его мальчишеском сознании, говорит писатель, «легендарная героиня чапаевских времен... и отдаленный гул великой войны с гитлеровцами соединились вдруг с тем, что происходило в нашем клубе, где уставшие люди деловито решали, как усилить помощь фронту, несмотря на нехватку рабочих рук, опытных специалистов, техники и инвентаря. Кажется, я ощутил государственную важность происходящего, впервые увидел не просто старших односельчан, а хозяев жизни, готовых отречься от этой жизни с тем же самоотречением и мужеством, с каким когда-то сражались красногвардейцы и буденновские конники, а теперь где-то далеко на западе сражались сыновья, братья и мужья сидящих в клубном зале. Наверное, с того самого дня я впервые по-взрослому понял, что для матери моей и всех моих старших односельчан не надо никакой другой жизни, кроме той, что завоевали старые коммунисты, чья память так суrowо и торжественно почтили земляки».

Читая романы «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», полные страстной и непримиримой борьбы за высокие идеалы добра, справедливости, правды, которую ведут любимые герои писателя, начиная с конца прошлого века и по сей день, ощущаешь органичность взгляда художника на современность как на результат всей предшествующей истории. В его творчестве история живет в своем неумолимом целенаправленном движении к осуществлению тех идеалов, чаяний и надежд, которые вели и ведут людей на бой за свое счастье. Творимая людьми история предстает той самой жизнью, которая властвует во всех своих проявлениях, противоречиях, взлетах и падениях, что предопределяет диалектичность и самой действительности, воспроизводимой писателем, и самих героев, поднятых революцией до уровня исторических деятелей.

«Для писателя, — говорит Анатолий Иванов, — пожалуй, один из самых нелегких вопро-

Писательская биография, уже неповторимая, своеобразная, началась в 1954 году, когда в журнале «Крестынка» был опубликован его первый рассказ «Дождь». Последовали другие рассказы, которые составили сборник «Алкины песни» (1956). Именно так назывался лучший из рассказов тех лет, полный светлого, пронзительного чувства первой любви гордой и нежной Алки Ураловой. Трудной была для нее эта первая любовь, непросто начинался путь ее к личному счастью.

Но вот что интересно. В этом лирическом «запеве» творчество молодого, неизвестного еще писателя уже была заложена жизненная концепция судеб любимых героев, пути которых к счастью тоже были непостоянными и далеко не гладкими. Разве не таковыми предстают перед нами дороги жизни Андрея Веселова и Дуни, Анисьи и сына ее Петра Бородина в романе «Повитель», Захара Большакова, Фрола Курганова, Петра Смирнова и Клавдии Никулиной в романе «Тени исчезают в полдень», Поликарпа Кружилина и Ивана Савельева, Анны Кафтановой и Анфисы Инютиной, Якова Алейникова и Нагаши Мироновой, Панкрата Назарова и многих других героев в «Вечном зове», Павла Демидова в повести «Жизнь на грешной земле»?

Что же завораживает нас в трудном, порой мучительном пути к счастью, которым идут по жизни герои Анатолия Иванова? Прежде всего, думается, открытость выявления в них той глубокой, не сразу различимой человечности, какую они проявляют по отношению к другим, одновременно обнаруживая в себе такие приметы, черты, свойства личности, которые обретают статус человеческого достоинства. Личность, как бы постоянно напоминает художник, начинается в человеке там и тогда, где и когда он осознает мучительно и страстно свои недостатки, преодолевает в себе мелкое, жалкое, низменное. Ведь осознание своего несовершенства есть уже первый шаг к идеалу, пусть еще не оформленному окончательно, но уже возвышающему человека,

судьбы человека с судьбой народной. Такова высшая мера постижения сути героя в каждом произведении писателя. И потому за частностями, за бытовыми штрихами Анатолий Иванов не упускает из виду общего движения жизни, не забывает о социальной драматургии событий, о классовом характере борьбы нового со старым как процесса созидания социалистического общества и нового человека.

Правда, может показаться, что Анатолий Иванов, обращаясь к истории, к тем классовым битвам на родной земле, где конфликт классово и социально обнажен, очерчен, проявлен, несколько облегчает себе путь к излюбленному драматическому конфликту, являющемуся буквально жизненной атмосферой его художественного мира. Но это неверно. Ведь мы говорим о художнике, который заставляет нас заново пережить историческое прошлое, бесповоротно включает нас в заявленное дей-

ствием, узнаваемым и постигнутым вместе с людьми.

От родных, близких, одноклассников еще в детстве Анатолий Иванов слышал немало рассказов о революции, о колчаковщине, о мужестве и героизме зачинателей новой жизни — партизан, коммунистов. Начавшаяся Великая Отечественная война как бы заново открыла будущему писателю те неповторимые, почти легендарные черты характера советского человека, которые теперь в реальном величии предстали в подвигах солдат и грузчиков тыла. Героическая романтика прошлых лет стала суровой реальностью героизма советских людей в годы неслыханных испытаний. Суровое время рано взросло детей, и потому им открывалась в жизни ее большая правда. Интересен в этом плане рассказ Анатолия Иванова об одном из эпизодов далекого детства, оставшемся навсегда в его памяти.

Мальчишкой он стал свидетелем выступления секретаря райкома на пленуме, прохо-

сателем, и самих героев, поднятых революцией до уровня исторических деятелей.

«Для писателя, — говорит Анатолий Иванов, — пожалуй, один из самых нелегких вопросов — о соотношении художественного вымысла и реальных событий, свидетелем которых он был лично. Но как бы то ни было в каждом отдельном случае, лишь наблюдения над живой действительностью, добросовестный отбор самого сущного в ней позволяют избежать фальши, увидеть подлинного героя, запечатлеть в нем черты времени».

Историзм и есть в конечном счете верность правде жизни, взятой не абстрактно, а во времени с его характерными и неповторимыми чертами и особенностями. Анатолий Иванов обостренно чувствует склад народного языка, который необыкновенно чутко к социальным и духовным переменам в жизни общества. Потому-то мы не найдем в его книгах нарочитой орфографической неграмотности, искажения звуковых сочетаний слов, к которым нередко прибегают «стилизаторы» деревенского бытия. На эту особенность работы писателя над словом обратил внимание Леонид Соболев, который при обсуждении в Союзе писателей РСФСР романа «Повитель» сказал, что у Анатолия Иванова слово всегда яркое, выпуклое, что укрупняет и персонаж, и самого автора.

Все это вместе взятое и составляет тот мир в современной литературе, который открыл в ней Анатолий Иванов. Этот мир имеет совершенно четкие исторические и географические координаты, снабжен сложнейшими «душевными узлами», несущими в себе социальные переломы в жизни общества, населен колоритными, крупными характерами, отразившими в судьбах своих судьбу народную, освещенную светом тех великих перемен, какие были вызваны к жизни Великим Октябрем. Созданный художником, отмечающим в расцвете творческих сил свое пятидесятилетие, этот мир далеко не завершен. Впереди нас ждет узнавание все новых и новых сторон, граней, коллизий мира социальной новизны, который, конечно же, неисчерпаем, как и сама жизнь, творимая людьми.

Книжная графика

Н. УСАЧЕВ. Из иллюстраций к книге А. Иванова «Жизнь на грешной земле». Издательство «Молодая гвардия».